

31 декабря народному артисту России, Лауреату Государственных премий Анатолию Борисовичу Кузнецову исполняется 70 лет.

«Было поверье, что через подушку пуля не пробивает»

Говорят, когда снимали фильм «Друг мой, Колька!», сначала были отобраны юные исполнители, а взрослых партнеров выбирали себе уже ребята. Порепетировав со старшими, они сами решали, с кем им удобнее и приятнее будет работать. Так, на роль шофера Руденко школьниками, занятыми в картине, был единогласно выбран Анатолий Кузнецов, в котором не было ничего актерского — просто крепкий надежный мужик, на которого можно положиться. За эти годы Кузнецовым сыграна масса замечательных ролей, а одна из них — красноармеец Федор Сухов — принесла ему мировую известность (с «Белым солнцем пустыни» он объехал 30 стран) и всенародную любовь.

— Из какой вы семьи, Анатолий Борисович?

— Из самой простой. Обнажаться не в моем духе. Но если вам так интересно: отец мой был певцом, последние годы пел в хоре Большого театра. Но родители его — крестьяне. Мои бабушка с дедушкой жили на Украине, в селе. Мать меня каждое лето туда возила, там война нас с ней и застала: немцы стояли уже на правом берегу Днепра, бомбили Киев. Помню зарево, полыхание, а по дороге под Запорожье нас обстреляли. Немцы уже из орудий били по поездам. Я насчитал 12 выстрелов. Все — недолет или перелет. Но все равно дыма в вагоне было много.

— Вам было страшно?

— Мы вообще-то попрощались (там еще родственница с дочкой ехали), обложившись подушками, потому что было поверье, что через подушку пуля не пробивает, застревает. Смешно. Но чтобы я испытал большой страх — не помню. А возле станции Луговая я увидел воздушный бой. Из облаков выныривал наш «ястребок», а за ним — немец. А паровозы гудели — и это вот вынимало душу. Ужасное ощущение.

— А отец был в это время на войне?

— Отец был в морском ансамбле, ездил по фронтам с концертными бригадами. Однажды явился в морской форме. И для меня, еще ребенка, это было важно: я гордился, что отец — военный.

— Родители дождались, что вы стали актером?

— Дождались, слава Богу.

— Братья или сестры у вас есть?

— Родных нет, но мой двоюродный брат — известный актер Михаил Кузнецов, вы наверняка помните его по фильмам «Матрос Чижик», «Иван Грозный», «ЧП», «Россия молодая», а начинал он еще с «Машеньки» у Райзмана. Его собственный отец рано умер, и воспитанием Михаила занимался мой папа. Поэтому мы общались довольно тесно, и в какой-то мере это повлияло на мой выбор профессии. Вообще-то отец с первого класса определил меня в музыкальную школу по классу рояля. Потом я закончил курсы, голос прорезался. Куда идти? Атмосфера в доме была пропитана музыкой, и я поступил на вокальное отделение в училище им. Ипполитова-Иванова. Два года отучился, а педагог Смирнова, которая вела мастерство актера, всячески меня накачивала: поступайте в театральный. У нас часто бывали в гостях актеры, рассказывали про съемки, это рождало

мечту о серьезном актерстве. Я был неопытный, поступальщик, консультацию пропустил, первый тур тоже, но каким-то образом меня допустили сразу на третий и в Школе-студии МХАТ, и в Щукинском училище. В Вахтанговском мне сказали: «Мы знаем, что ты еще и в другое училище сдаешь», что меня страшно перепугало. Подумав, я по примеру брата выбрал мхатовскую школу. И не жалею. Это, например, было единственное училище, где преподавали манеры — как носить цилиндр, трость, как пользоваться столовыми приборами, как ухаживать за дамой. Я еще застал дух академизма, когда студент 1-го курса должен первым здороваться со студентами 2-го курса. В начале учебы нам сказали: «Проститесь со своими друзьями». И действительно — к девяти приезжаешь, потом мастерство, перерыв, опять мастерство. И так 4 года пролетели.

— А когда в вашу жизнь вошло кино?

— На 4-м курсе меня пригласили на съемки фильма «Опасные тропы», где главную роль играл Владимир Дружников, блистательный актер, которого, к

сожалению, публика мало помнит. Особенно молодые журналисты — они вечно перепутают то фамилию старого актера, то названия фильмов. Ну, коли тебе надо писать об актере — потрудись: почитай, в библиотеку сходи. Ведь у нас были блистательные актеры и отличные фильмы. Пускай молодежь знает наших актеров. А то все сегодня воспитаны только на американской продукции, наших артистов забыли, а тех по именам помнят. Ну, это я так, к слову.

А как только я снялся в «Опасных тропях», меня пригласили сразу в два фильма — «Гость с Кубани» (главная роль, комбайнер) и «За витриной универмага».

— Ну, пожив в деревне, вам комбайнера было, наверное, не трудно играть?

— Почему-то, глядя на меня, многие считают, что я и гвоздя не могу забить, а я могу гораздо больше... Много умею готовить: могу и уху, и мясо пожарить, и шашлык хороший сделать. А вот насчет выпечки — пас.

— Какая основная черта вашего характера?

— Я был так застенчив! Качество ужасное! Многие из-за этого меня неправильно воспринимают. Думают, что я заносчив, чрезмерно горд, а на самом деле — это стеснительность, ненужная в актерском мире. Даже Станиславский говорил: актеру нужна доля «нахаляги».

— Кто у вас в семье за что отвечает?

— Я в основном отвечаю за жизнь на земле!

— То есть на вас — зарабатывание денег?

— Конечно.

— Кто по профессии ваша жена?

— По образованию — режиссер, в свое время ее с распростертыми объятиями Иван Пырьев принял на «Мосфильм». Ей дали, как вновь пришедшему человеку, денег на две части, на проверку таланта. При этом выделили самых неважных людей в группу. И ей приходилось это преодолевать и достигать каких-то результатов. Она сняла короткометражку по рассказу Юрия Нагибина «Цветные сны». Но когда Никита Сергеевич начал громить художников (помните, в Манеже повел борьбу с чьей-то легкой руки?), она тоже угодила в число абстракционистов. На ней вместе с Михаилом Каликом решили отыгаться — больше не нашли на «Мосфильме» никого, чтобы причислить к «махровым абстракционистам». Когда началась травля, Сергей Герасимов посоветовал: «Знаешь, уйди в кусты, посиди

— В сериале «Опер с Патриарших» — это продолжение фильма «На углу у Патриарших». Я там — положительный милиционер в чинах.

— Какие еще планы?

— Хочу вот в январе в Доме кино показать свою картину 20-летней давности, которую практически никто здесь не видел: она сделана в Чехии. Это «Гордубал» по повести Карела Чапека, где я сыграл крестьянина. Меня на нее пригласили как раз накануне того, как Эльдар Рязанов хотел мне дать роль председателя кооператива в фильме «Гараж». Но я ему объяснил, какое у меня предложение (а он единственный из моих знакомых, кто читал эту вещь). И он благословил меня. Председателя кооператива сыграл в итоге Валя Гафт.

Снялся я в этой картине, и однажды строгая редактор из Госкино Кокорева встречает меня и говорит, что была в Ирландии и видела «Гордубала» (он получил на том смотре премию за операторскую работу): «Толя, вы так тонко там сыграли! Я написала об этом статью в «Советский экран». И дала мне рукопись прочитать. Потом жду-жду, а статья все не выходит. Оказалось, что кто-то «наверху» высказался против «Гордубала», усмотрев в нем что-то антисоветское. И фильм к нам не попал, хотя другие ленты с участием советских актеров мы покупали, шел обмен. Вот теперь я и хочу вытащить эту картину и хотя бы спустя время показать нашей публике. Ведь существует довольно много зарубежных лент с нашими актерами, не известных русскому зрителю.

— Вы много ездили с «Белым солнцем пустыни» по миру. Была ли где-то неожиданная реакция на него?

— Фильм везде воспринимали великолепно. Разве что в Марокко его вдруг запретили показывать. Наверное, потому, что у тамошнего правителя Хасана II было всего две жены, а у моего героя Сухова — целый гарем.

— А правда, что существовал лже-Кузнецов и выступал по стране под вашим именем?

— Да, был у меня приятель, актер не очень известный. Говорят, что мы с ним похожи. Этим сходством он и воспользовался. Разъезжал с гастрольями по глубинке, рассказывал о съемках «Белого солнца пустыни» и крутил романы с провинциальными барышнями. От одной из них я однажды и получил письмо: «Дорого мой Толик, я согласна. Скоро приеду, осталось только шифоньер продать. Денег на первое время нам хватит». А на конверте — штамп города, в котором я отродясь не был...

Беседовал Петр ЧЕРНЯВ

Кузнецов Анатолий

29.12.00